На правах рукописи

Мамхягов Зураб Зунелевич

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

5.1.4. Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор **Кибальник Алексей Григорьевич**

Официальные оппоненты: **Яцеленко Борис Викторович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Бешукова Зарема Муратовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Адыгейского государственного университета

Ведущая организация – Саратовская государственная юридическая академия

Защита состоится 23 декабря 2022 г. в 12.30 часов на заседании диссертационного совета 03.2.005.01 при Краснодарском университете МВД России по адресу: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, корпус «А4», конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России.

Полный текст диссертации, автореферат диссертации и отзыв научного руководителя размещены на официальном сайте Краснодарского университета МВД России по адресу: крду.мвд.рф

Автореферат разослан «____» октября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Грибанов Евгений Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В последнее десятилетие одним из основных векторов развития отечественного уголовного законодательства стали появление и последовательное увеличение числа норм, содержащих административную преюдицию. Общий ее смысл сводится к тому, что повторное совершение тождественного административного правонарушения в период действия административного наказания за первое правонарушение расценивается как совершение преступления.

Как известно, первоначальная редакция действующего УК РФ полностью отказалась от «преюдиционных» норм, широко представленных в УК РСФСР 1960 г. На момент прекращения его действия 28 статей (практически 1/10) Особенной части содержали (в том или ином виде) административную преюдицию. Было очевидным стремление постсоветского законодателя полностью избавиться от этого правового института и провести четкую грань между сферами уголовно-правового и административно-правового регулирования.

Первым сигналом возвращения административной преюдиции стал Федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ[1], вводивший ее частично в ст. 178 УК РФ. И уже через два года административная преюдиция стала полноценным явлением: введенная Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ[2] ст. 151^1 УК РФ («Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции») являлась первой полностью «преюдиционной» уголовно-правовой нормой.

В последующем количество таких норм неуклонно увеличивалось.

По состоянию на 13 июля 2022 г. их насчитывается 22. Последними стали ч. 1 ст. 280^3 УК РФ («Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях») и ст. 284^2 УК РФ («Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц»), введенные Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ[3].

---

[1] Рос. газ. 2009. 3 авг.
[2] Там же. 2011. 26 июля.
[3] Там же. 2022. 9 марта.

Официально необходимость появления «преюдиционных» норм в уголовном законе объяснялась тремя основными обстоятельствами:

1) необходимостью непосредственного уголовно-правового реагирования на негативные социальные явления – в частности, на процесс алкоголизации несовершеннолетних и его отрицательные последствия для всего общества[1];

2) неспособностью административно-правового регулирования эффективно решать свои задачи в той или иной сфере и необходимостью уголовно-правового воздействия при повторном совершении аналогичного административного правонарушения – например, в целях обеспечения правопорядка при проведении публичных мероприятий[2];

3) в подавляющем большинстве случаев необходимость введения в УК РФ норм с административной преюдицией официально обосновывалось стратегией либерализации и гуманизации уголовного законодательства – в частности, смягчением уровня репрессивности государственной политики в борьбе с преступлениями небольшой и средней тяжести[3].

Следует отметить, что с момента «реанимации» административной преюдиции в уголовном праве в отечественной доктрине разгорелась полемика относительно необходимости ее существования как таковой, понимания ее правовой природы и признаков. Этот спор не прекращается и в настоящее время, расколов научную общественность на два четко выраженных лагеря – сторонников и противников существования административной преюдиции в уголовном праве (законе).

Более того, сам законодатель проявил определенную непоследовательность в вопросе конструирования «преюдиционных» норм, поразному формулируя признаки административной преюдиции в статьях Особенной части УК РФ. Надо также отметить, что в единственном случае ранее введенная административная преюдиция была

---

[1] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и пива”». Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях)”». Там же.

[3] См., например: Пояснительную записку «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”». Там же.

устранена из уголовного законодательства (ст. 178 УК РФ; Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ[1]).

В общественный спор об административной преюдиции дважды был вовлечен Конституционный суд РФ. В своем постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П[2] он признал, что существование «преюдиционных» норм УК РФ не противоречит Конституции РФ, однако фактически ограничил сферу применения ст. 212[1] УК РФ.

А вот в постановлении Конституционного суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П[3] указано на несоответствие Конституции РФ правового статуса лиц, подпадающих под действие административной преюдиции, и лиц, имеющих судимость за «преюдиционное» преступление, а также правового положения потерпевших от этих преступлений. Произведенное законодателем изменение ст. 116[1] УК РФ[4], в силу признания ее не соответствующей основному Закону, может повлечь реформу всех «преюдиционных» норм УК РФ.

Все вышесказанное определяет актуальность и необходимость проведения научного монографического исследования, специально посвященного феномену административной преюдиции в уголовном праве (законе).

Степень разработанности темы исследования. Дискуссия относительно административной преюдиции в уголовном праве ведется в основном в периодической печати. В статьях сторонников обычно говорится не просто об оправданности ее существования, а о необходимости таковой. Они усматривают в административной преюдиции средство декриминализации, разграничения сфер уголовно-правового и административно-правового воздействия, снижения репрессивности уголовно-правового воздействия (А.Г. Безверхов, А.И. Бойко, В.А. Бриллиантов, А.И. Иванчин, О.С. Капинус, В.И. Колосова, С.А. Маркунцов, З.А. Незнамова, В.П. Малков, Н.И. Пикуров и др.).

Противники указывают на то, что наличие «преюдиционных» преступлений нарушает основания криминализации и принципы уго-

---

[1] Рос. газ. 2015. 11 марта.

[2] По делу о проверке конституционности положений статьи 212[1] Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного суда РФ от 10 февр. 2017 г. № 2-П // Рос. газ. 2017. 28 февр.

[3] По делу о проверке конституционности статьи 116[1] Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного суда РФ от 8 апр. 2021 г. № 11-П // Рос. газ. 2021. 20 апр.

[4] См.: О внесении изменений в статью 116[1] Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ // Рос. газ. 2022. 30 июня.

ловного закона. Сама административная преюдиция, по их мнению, способствует смешению сфер административно-правового и уголовно-правового воздействия и усиливает уровень репрессивности уголовного закона (Е.Ю. Антонова, Н.Г. Иванов, А.Г. Кибальник, А.И. Коробеев, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, Б.В. Яцеленко и др.).

Различные вопросы, связанные с пониманием основания существования, места и значения административной преюдиции в конкретных нормах Особенной части УК РФ, рассматривались в диссертациях, посвященных:

– розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции (А.А. Берндт, Е.А. Герасимова, А.Н. Супрун);

– преступлениям против собственности в целом и уголовно значимому мелкому хищению в частности (О.М. Иванова, И.А. Музафаров);

– преступлениям в сфере экономической деятельности (М.Г. Жилкин);

– преступлениям против общественного порядка (К.Г. Вдовиченко);

– нарушению правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (М.В. Афанасьев, Г.Ш. Аюпова);

– экстремистским преступлениям (З.М. Бешукова).

Особо надо выделить два диссертационных исследования, специально посвященных изучению феномена административной преюдиции в уголовном праве (законе). Надо подчеркнуть, что в работах А.В. Богданова[1] и З.Э. Эргашевой[2] дана в целом положительная оценка существованию административной преюдиции в уголовном праве и выдвинут тезис о целесообразности расширения перечня «преюдиционных» норм УК РФ. Также необходимо выделить монографические работы Д.В. Мирошниченко[3] и Ю.Е. Пудовочкина[4], посвященные рассмотрению проблем практического применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

---

[1] Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2019.

[2] Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. М.: Университет прокуратуры РФ, 2018.

[3] Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2022.

[4] Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией. М.: Юрлитинформ, 2022.

Полагаем, что оптимистический подход относительно концепта административной преюдиции в уголовном праве не в полной мере отражает ее правовую природу и соответствие принципу справедливости уголовного законодательства. В отличие от предшествующих работ, в настоящем исследовании предложено иное решение вопроса о роли «преюдиционных» норм УК РФ в ракурсе гуманизации (либерализации) уголовной политики и о необходимости количественного увеличения таких норм. В работе также сформулировано оригинальное решение проблемы *de lege lata* отсутствия унифицированного подхода к законодательному конструированию уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения и интересы, возникающие в связи с применением норм УК РФ, содержащих административную преюдицию.

Предметом диссертационного исследования выступают признаки административной преюдиции в действующих нормах уголовного законодательства, а также доктринальные позиции относительно целесообразности (возможности) или нецелесообразности (невозможности) ее существования в уголовном праве.

Основной целью исследования являются доктринальное обоснование нецелесообразности существования уголовно-правовых норм с административной преюдицией, а также теоретическое моделирование вариантов снижения репрессивности «преюдиционных» норм Особенной части УК РФ.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи**:

1) обобщить доктринальные позиции относительно понимания юридической сущности административной преюдиции в уголовном праве;

2) разработать авторскую дефиницию административной преюдиции в уголовном праве;

3) определить основные признаки административной преюдиции с учетом требования единообразия уголовного законодательства;

4) обобщить судебную практику применения «преюдиционных» норм УК РФ и позицию Конституционного суда РФ по вопросу их соответствия Конституции РФ;

5) определить место и значение административной преюдиции в уголовном праве с точки зрения оснований криминализации деяния и принципа справедливости уголовного законодательства;

6) выявить роль «преюдиционных» норм УК РФ в плане «гуманизации» государственной политики в области борьбы с преступностью;

7) определить основные направления возможной эволюции административной преюдиции в уголовном праве (законе).

Особо следует оговорить следующее.

Поскольку административная преюдиция в отечественном уголовном законодательстве советского периода являлась предметом множества научных исследований, в настоящей работе специально не ставится задача изучить исторический аспект проблемы. По этой же причине в качестве самостоятельной задачи не ставится сравнительно-правовое исследование административной преюдиции в уголовном праве (законодательстве) иностранных государств.

Методологической основой исследования стал универсальный диалектический метод познания. Также в работе использованы следующие методы: логико-правовой, сравнительно-правовой, анализа, метод социологического опроса (анкетирование).

Перечисленные методы применялись при изучении содержания теоретических источников и правовых норм; при рассмотрении норм зарубежного законодательства; в процессе сопоставительного анализа «преюдиционных» норм УК РФ; в ходе анализа и обобщения результатов опроса специалистов в области уголовного права, а также представителей судов и правоохранительной системы.

Теоретической базой исследования явились работы ведущих отечественных ученых в области уголовного права и криминологии. Особо надо выделить труды А.Г. Безверхова, З.М. Бешуковой, А.В. Богданова, А.И. Бойко, Г.А. Есакова, Н.Г. Иванова, А.В. Иванчина, О.С. Капинус, А.Г. Кибальника, М.И. Ковалева, В.И. Колосовой, В.П. Коняхина, А.И. Коробеева, Н.Ф. Кузнецовой, Л.В. Лобановой, Н.А. Лопашенко, В.П. Малкова, С.А. Маркунцова, Д.В. Мирошниченко, А.В. Наумова, З.А. Незнамовой, О.С. Одоева, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, Р.А. Сабитова, Т.В. Серковой, Э.Л. Сидоренко, В.В. Хилюты, З.Э. Эргашевой, Б.В. Яцеленко.

Использованы труды представителей науки административного права (А.Н. Добров, А.В. Ольшевская, О.М. Попович и др.), уголовного процесса (А.Л. Аристархов, Л.А. Воскобитова и др.), иных отраслей знаний.

Нормативной основой исследования послужили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, федеральное законодательство России, подзаконные акты федеральных органов власти.

Эмпирическую базу исследования составили:

– статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации о применении «преюдиционных» норм УК РФ;

– имеющие отношение к теме исследования решения Конституционного суда РФ (в частности, постановления от 8 апреля 2021 г. № 11-П и от 10 февраля 2017 г. № 2-П);

– постановления Пленума Верховного суда РФ, содержащие императивные требования относительно применения «преюдиционных» норм УК РФ.

Изучены данные из 113 приговоров и решений, вынесенных (принятых) в 2011–2021 гг. по отдельным делам Верховным судом РФ и судами различных субъектов Российской Федерации и касающихся применения «преюдиционных» норм УК РФ.

В целях изучения мнения специалистов в городах, таких как Краснодар, Москва, Ростов-на-Дону и Ставрополь, были проведены социологические опросы. На вопросы анкеты ответили 30 специалистов в области уголовного права и криминологии, имеющих ученые степени кандидата или доктора юридических наук. Также проведено анкетирование 100 судей и сотрудников правоохранительных органов (органов внутренних дел, прокуратуры и следователей Следственного комитета Российской Федерации) в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области.

Научная новизна исследования заключается в том, что она является не просто одним из первых монографических комплексных исследований административной преюдиции в отечественном уголовном праве, а построена на ином концепте. Сам феномен существования административной преюдиции в уголовном праве рассмотрен в ракурсе двух подходов: 1) существование «преюдиционных» норм УК РФ является «нежелательной неизбежностью» в плане *de lege lata*; 2) необходима минимизация возможных негативных социально-юридических последствий применения таких норм *de lege ferenda*.

В работе сформулировано авторское определение административной преюдиции в уголовном праве в аспекте *de lege lata*, опреде-

лены ее сущностные юридические признаки; указано на недопустимость смешения административной преюдиции и неоднократности совершения преступлений.

В отличие от предшествующих работ по данной проблематике, в диссертации обоснована позиция о несоответствии основных социально-юридических характеристик административной преюдиции в уголовном праве основаниям криминализации, принципу справедливости уголовного законодательства, «гуманизации» уголовного закона как одного из основных направлений государственной политики в области борьбы с преступностью.

Как следствие, автор приходит к выводу о нецелесообразности существования административной преюдиции в уголовном праве. Однако, учитывая сложившиеся отечественные законодательные реалии и тенденции законотворчества в области уголовного права, *de lege ferenda* в работе определены варианты развития системы «преюдиционных» норм УК РФ, отражающие основные направления государственной политики в области борьбы с преступностью и требования законодательной техники.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в **основных положениях, вынесенных на защиту**:

1. В современной доктрине существует широкое разнообразие мнений относительно юридической природы административной преюдиции в уголовном праве *de lege lata*, причем ни одно из них не является доминирующим. По мнению автора, можно говорить о четырех основных теоретических концептах административной преюдиции в уголовном праве (законе):

– в формально-юридическом смысле – как об особом приеме законодательной техники, способе конструирования уголовно-правовой нормы;

– в социально-юридическом смысле – как о средстве криминализации и (или) декриминализации деяния;

– в межотраслевом (широком) смысле – как об особой форме взаимосвязи административного и уголовного права;

– в криминологическом смысле – как о средстве предупреждения (противодействия) преступности.

2. Административная преюдиция в уголовном праве представляет собой криминообразующий признак состава преступления, который можно определить как *совершение административного правонарушения при наличии правового статуса административной нака-*

занности лица за ранее совершенное тождественное правонарушение. Данный преобразовательный признак состава преступления имеет объективно-субъективную природу, отраженную в характеристиках собственно самой административной преюдиции в уголовном праве (законе).

3. В работе сделан вывод, что основные социально-юридические характеристики административной преюдиции не в полной мере соответствуют основаниям криминализации деяния в уголовном праве. По существу, криминализация повторно совершенного тождественного административного правонарушения основана на теории «опасного состояния личности», а не на основании совершения общественно опасного деяния, противоправность, виновность и наказуемость которого прямо и непосредственно предусмотрены в уголовном законе.

Данное обстоятельство является нарушением предписаний ст. 8 УК РФ («Основание уголовной ответственности»). Кроме того, существование административной преюдиции в уголовном праве в определенной мере противоречит принципу справедливости уголовного законодательства.

4. Существование административной преюдиции в нормах УК РФ не в полной мере соответствует одной из основных линий государственной политики в области борьбы с преступностью – ее гуманизации (либерализации). Административная преюдиция в уголовном праве стирает границу между сферами действия административного и уголовного права (законодательства) – сама возможность превращения административного правонарушения в преступление противоречит задачам и внутренней логике «либеральной» уголовной политики государства.

5. Введение в УК РФ «преюдиционных» норм, в которых законодательно была осуществлена «первичная» криминализация административного правонарушения, привело к росту репрессивности уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших «преюдиционные» преступления небольшой и средней тяжести.

6. При конструировании «преюдиционных» норм УК РФ недопустимо использование терминов «неоднократность», «неоднократное совершение» в силу того, что первичное административное правонарушение и последующее «преюдиционное» преступление не могут образовывать неоднократность как форму множественности преступлений.

7. В силу того, что обязательными качествами уголовного законодательства являются его системность и непротиворечивость, необходима максимально возможная унификация обязательных признаков административной преюдиции. В соответствии с предлагаемым *de lege ferenda* «правилом трех правонарушений», такими признаками во всех «преюдиционных» нормах УК РФ могут считаться следующие:

– состояние «административной наказанности» должно составлять один год во всех «преюдиционных» нормах УК РФ;

– число совершенных в течение срока «административной наказанности» повторных аналогичных правонарушений должно быть больше двух, т. е. уголовная ответственность за «преюдиционное» преступление может наступать в случае совершения третьего аналогичного правонарушения в течение срока «административной наказанности».

С учетом правовой позиции, выраженной в постановлении Конституционного суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П, во всех «преюдиционных» нормах УК РФ, наряду с повторным совершением тождественного административного правонарушения, должно существовать *альтернативное либо самостоятельное* (в иной части нормы) указание на наличие судимости за ранее совершенное тождественное преступление.

8. Существуют два сценария развития системы «преюдиционных» норм в УК РФ – «позитивный» и «негативный».

Согласно «позитивному» сценарию, предусматривающему сохранение системы «преюдиционных» норм, с учетом позиции Верховного суда РФ автор предлагает:

– перевод действующих норм УК РФ с «преюдиционными» преступлениями небольшой тяжести в категорию уголовных проступков;

– перевод действующих норм УК РФ с «преюдиционными» преступлениями средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести.

«Негативный» (более предпочтительный, но маловероятный) сценарий существования административной преюдиции в уголовном праве заключается в ее устранении из норм УК РФ как не соответствующей принципу справедливости уголовного законодательства и общепризнанным критериям криминализации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты настоящей работы вносят определенный вклад в раз-

витие научного понимания феномена административной преюдиции в нормах уголовного законодательства России.

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты также выступают предпосылкой развития дальнейших перспективных научных исследований по проблемам административной преюдиции в уголовном праве, а также в области государственной политики, связанной с борьбой с преступностью.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы:

– при формировании уголовно-правовой политики государства в плане законодательного конструирования «преюдиционных» норм УК РФ;

– при подготовке руководящих разъяснений Верховного суда РФ относительно практики применения норм УК РФ с административной преюдицией;

– в учебном процессе юридических вузов и факультетов при преподавании курса уголовного права и криминологии, а также соответствующих специализированных курсов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена использованием значительного количества источников, научной литературы, исследованием признаков административной преюдиции в нормах действующего уголовного законодательства, соотнесением полученных результатов с достижениями теории уголовного права и практики применения уголовного закона.

Обоснованность и достоверность подтверждаются обширной эмпирической базой исследования, позволившей максимально точно и полно выявить специфику существования административной преюдиции в уголовном праве (законе), а также возможные перспективы развития системы «преюдиционных» норм УК РФ.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы, полученные в результате проведенного диссертационного исследования, докладывались на заседаниях кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, а также на следующих научных мероприятиях:

– VI Международной научно-практической конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании-2021» (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 22–24 июня 2021 г.);

– Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, Кубанский государственный университет, 28–29 мая 2021 г.);

– VII Международной научно-практической конференции «Право молодых» (Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, 16–17 мая 2019 г.);

– Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, 21 сентября 2018 г.);

– Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии» (Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, 6 февраля 2015 г.);

– Региональной научно-практической конференции «Университетская наука – региону» (Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, 25 апреля 2014 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Краснодарского университета МВД России, Северо-Кавказского социального института, а также в практическую деятельность Главного управления МВД России по Ставропольскому краю и прокуратуры Ставропольского края.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в девяти опубликованных работах, включая шесть статей в специализированных периодических изданиях перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация выполнена в соответствии с требованиями ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Структура работы определялась с учетом специфики темы проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; раскрывается степень ее разработанности; определяются объект, предмет, цель и задачи исследования; характеризуются методологическая, эмпирическая, нормативная основы; раскрываются научная новизна диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава **«Административная преюдиция в доктрине уголовного права»** состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен изучению современных доктринальных подходов в плане ***доктринального признания и (или) отрицания существования административной преюдиции в уголовном праве (законе)***.

Автор отмечает, что, исходя из позиции *de lege lata*, конструкт «административная преюдиция в уголовном праве» является *доктринальным изобретением*. В начале 2000-х гг., еще до законодательной «реанимации» административной преюдиции, в доктрине началась дискуссия о самой возможности и (или) необходимости ее существования в нормах УК РФ, остро продолжающаяся в настоящее время.

К наиболее значимым доводам *сторонников* существования административной преюдиции в уголовном праве (законе) можно отнести следующие:

– административная преюдиция позволяет в более эффективной степени предупреждать преступность и, в частности, совершение преступлений небольшой и средней тяжести;

– административная преюдиция является средством декриминализации деяния, и в этом качестве она снижает уровень репрессивности уголовного законодательства;

– административная преюдиция позволяет в более четкой мере разграничить административное правонарушение и преступление;

– наличие составов преступлений с административной преюдицией в уголовном законодательстве отражает «генеральную» линию на гуманизацию (либерализацию) государственной политики в области борьбы с преступностью.

Основные аргументы *противников* существования административной преюдиции в уголовном праве (законе) можно сформулировать следующим образом:

– административная преюдиция в уголовном праве (законе) самым серьезным образом нарушает основания криминализации, так как в основу криминализации «преюдиционных» преступлений положены личностные качества субъекта;

– административная преюдиция находится в прямом противоречии с принципами уголовного законодательства, прежде всего с принципами законности и справедливости;

– наличие «преюдиционных» норм стирает границу между сферами административно-правового и уголовно-правового регулирования;

– «преюдиционные» нормы УК РФ олицетворяют усиление уровня репрессивности уголовного законодательства, что не соответствует политике гуманизации (либерализации) уголовного законодательства.

Во втором параграфе изучено ***доктринальное понимание сущности административной преюдиции***.

Анализ доктринальных позиций позволяет говорить о наличии четырех основных концептов сущности административной преюдиции в уголовном праве. Автор отмечает, что ни один из них нельзя назвать однозначно доминирующим.

1. В формально-юридическом смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) понимается как особый *прием законодательной техники*, *способ конструирования уголовно-правовой нормы*. Этот подход является наиболее распространенным, его смысл заключается в том, что такой прием (способ) позволяет определить грань между преступным деянием и административно-наказуемым правонарушением в конкретном случае.

2. В социально-юридическом смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) нередко определяется в качестве *средства криминализации и (или) декриминализации* деяния. Здесь речь идет о понимании административной преюдиции преимущественно в качестве инструмента осуществления государственной политики в области борьбы с преступностью, своеобразного «воплощения воли» законодателя.

3. В межотраслевом (широком) смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) представляет собой *«особую форму» взаимосвязи* административного и уголовного права. По мнению сто-

ронников этой концепции, именно она олицетворяет родственную публично-правовую природу уголовного и административного права и в то же время отграничивает сферы действия этих отраслей.

4. В криминологическом смысле административная преюдиция нередко определяется как своеобразное «средство предупреждения (противодействия) преступности», посредством которого снижается (должен снижаться) уровень криминализации общества.

Вторая глава **«Административная преюдиция в уголовном праве: ситуация *de lege lata»*** включает в себя два параграфа.

В первом параграфе проанализированы ***трудности дефиниции административной преюдиции в уголовном праве в аспекте de lege lata***.

Автор отмечает, что как бы кто не относился к факту существования административной преюдиции в уголовном праве, ее своеобразная «легитимация» состоялась в силу решения Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П (решение «по делу Дадина»).

Далее в параграфе проанализированы сформулированные определения административной преюдиции. По мнению автора, бесспорно, что каждый из изученных формализованных концептов административной преюдиции (как средства криминализации «*на каждый конкретный случай*») так или иначе отражает сущность ее юридической природы. Вместе с тем каждый из них имеет свои недостатки.

Во втором параграфе изложено авторское видение ***понятия и признаков административной преюдиции в уголовном праве в аспекте de lege lata***.

По мнению автора, предпочтительным с точки зрения материального уголовного права в плане определения административной преюдиции представляется комплексный подход, учитывающий следующие моменты:

– административная преюдиция определяет (должна определять) границу между преступным и непреступным в конкретном поведенческом акте;

– административная преюдиция, воплощая волю законодателя, включается в уголовно-правовую норму, т. е. становится составляющей единицей диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Таким образом, административная преюдиция представляет собой определенный формально-юридический конструкт, являющийся, по сути, *признаком состава «преюдиционного» преступления*. Именно установление этого признака, наряду с другими признаками соста-

ва преступления, означает наличие основания уголовной ответственности.

В работе отмечено относительное единодушие в отношении понимания *объективных составляющих* административной преюдиции в уголовном праве, к которым относятся: 1) срок, когда лицо считается наказанным за предшествующее (предикатное) административное правонарушение; 2) повторное совершение тождественного правонарушения в течение этого срока.

Спецификой административной преюдиции как признака состава преступления является то, что она не ограничивается исключительно объективными характеристиками, что обусловлено имманентной связью вышеназванных объективных характеристик со специальным субъектом.

В работе обосновывается позиция о необходимости использования понятия «*административная наказанность*». По существу, она обозначает особый правовой статус (положение) лица, подвергшегося административному наказанию. Этот статус является своеобразным ущемлением в правах такого человека: повторное совершение тождественного административного правонарушения во время его существования превращает его (правонарушение) в преступление.

Автор полагает, что административная преюдиция в уголовном праве представляет собой криминообразующий признак состава преступления. Его можно определить как *совершение административного правонарушения при наличии правового статуса административной наказанности лица за ранее совершенное тождественное правонарушение.* Данный «преобразовательный» признак состава преступления имеет объективно-субъективную природу, отраженную в характеристиках собственно самой административной преюдиции в уголовном праве (законе).

С пониманием административной преюдиции как криминообразующего признака состава «преюдиционного» преступления согласились 18 из 30 опрошенных респондентов-специалистов в области теории уголовного права и криминологии и 72% респондентов-практиков.

Далее автор приводит аргументацию в пользу признания основным (обязательным) субъективным признаком составов «преюдиционных» преступлений *осознания* специальным субъектом факта наложения административного наказания и срока его действия за первичное правонарушение, а также осознания факта совершения в

течение указанного срока нового тождественного административного правонарушения.

Автор отмечает, что употребление в пяти «преюдиционных» нормах УК РФ (ст. 151^1, ч. 1 и 2 ст. 157, ст. 171^4, 212^1 и ч. 2 ст. 314^1) термина «неоднократность» совершения деяния породило обсуждение *соотношения административной преюдиции и неоднократности преступлений*. Итоговым стал доминирующий вывод о том, что административная преюдиция не может расцениваться в качестве неоднократности преступлений.

Третья глава **«Административная преюдиция в уголовном праве: между сущим и должным»** содержит два параграфа.

В первом параграфе рассмотрен вопрос о ***соответствии административной преюдиции в уголовном праве основаниям криминализации и принципам уголовного права***.

Поскольку административная преюдиция понимается автором в качестве криминообразующего признака состава «преюдиционного» преступления, закономерно возникает вопрос о ее социально-юридических характеристиках. Последние, по существу, обосновывают предназначение административной преюдиции, отвечают на вопрос о том, зачем и с какой целью она была введена в уголовное законодательство.

Так как в узком формально-юридическом плане административная преюдиция представляет собой способ (прием) криминализации акта непреступного поведения, необходимо определиться с ее соответствием *основаниям криминализации деяния*.

В контексте понимания социально-юридических характеристик административной преюдиции в уголовном праве автор приходит к выводу о том, что она *не соответствует основаниям криминализации деяния* в уголовном праве. Прежде всего, это выражено в отсутствии фундаментального признака общественной опасности первичного (предикатного) и последующих административных правонарушений.

В работе подвергается критике распространенная в отечественной доктрине точка зрения, согласно которой повторно совершенное тождественное административное правонарушение обладает «повышенной» опасностью (вредоносностью) по сравнению с предикатным правонарушением или даже приобретает характеристики общественной опасности, свойственные преступлению.

Автор исходит из посыла о том, что отдельно взятые тождественные административные правонарушения обладают одинаковой степенью вредоносности и нулевой общественной опасностью. В свою очередь, количество таких правонарушений, совершаемых одним лицом, само по себе не может изменить уровень их вредоносности и придать последующим правонарушениям характеристики общественной опасности, превратив их в преступления.

Это утверждение может быть доказано математическим способом: если общественная опасность первичного административного правонарушения равна нулю (а этот тезис имеет аксиоматичный характер), то ее умножение на любое количество последующих совершенных тождественных правонарушений также будет иметь нулевой результат.

Вместе с тем в доктрине активно распространяется идея о том, что повторное совершение лицом тождественных административных правонарушений свидетельствует об отрицательных характеристиках совершающего эти правонарушения лица. В принципе, соглашаясь с этим утверждением, необходимо ответить на вопрос: какие отрицательные характеристики личности достаточны для признания административного правонарушения преступлением?

Ряд авторов считает, что повторное совершение тождественных административных правонарушений само по себе может свидетельствовать о появлении признака *опасности* и даже *общественной опасности лица*. В этом случае сама административная преюдиция должна рассматриваться в качестве признака специального субъекта, а именно признака «общественной опасности лица»[1].

Подобного рода воззрения основаны на известной теории «опасного состояния» личности, смысл которой состоит в том, что к лицу, обладающему личностными качествами «общественной опасности», могут быть применены меры уголовно-правового характера.

Необходимо отметить, что по смыслу некоторых решений Верховного суда РФ факт предшествующего привлечения лица к административной ответственности расценивается как обстоятельство, от-

[1] См., например: Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 126–128.

рицательно характеризующее субъект[1]. И именно эта характеристика субъекта положена в основу существования «преюдиционной» нормы УК РФ, т. е. криминализация повторно совершенного административного правонарушения основана на «опасном состоянии личности». Данное обстоятельство является нарушением предписаний ст. 8 УК РФ («Основание уголовной ответственности») и *не может быть оправдано целесообразностью* (или любыми другими «благими целями») уголовно-правового воздействия в отношении лица, не совершившего деяние, изначально обладающим признаком общественной опасности.

С выводом о несоответствии административной преюдиции основаниям криминализации согласились 22 из 30 опрошенных респондентов-специалистов в области теории уголовного права и криминологии и 55% респондентов-практиков.

Далее в работе доказывается тезис, согласно которому административная преюдиция *нарушает принцип справедливости* уголовного законодательства (ст. 6 УК РФ).

Во-первых, в силу административной преюдиции не соблюдается известная юридическая максима «не суди дважды»: по существу, в силу наступления уголовной ответственности за «преюдиционное» преступление имеет место повторная ответственность за первоначально совершенное административное правонарушение.

Состояние «административной наказанности» лица (которое уже выражается в его своеобразном ущемленном правовом положении), подвергшегося административному наказанию, преобразуется в принципиально новый вид ответственности и влечет уголовное наказание. И последствия уголовного наказания регрессным образом распространяются на предикатное правонарушение.

Во-вторых, в силу принципа справедливости, наказание или иная мера уголовно-правового характера должна быть соразмерна тяжести совершенного преступления.

Как показывает анализ судебной практики, если предмет правонарушения имеет количественное измерение (например, стоимостное

---

[1] «Привлечение лица к административной ответственности является обстоятельством, характеризующим субъект преступления, предусмотренного ст. 264[1] УК РФ, а не элементом объективной стороны преступления». См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 9 янв. 2019 г. № 63-УДП18-3 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2020. № 2. С. 4.

выражение), совершение повторного административного правонарушения в силу преюдиции влечет уголовную ответственность и наказание в ситуациях, которые иначе как абсурдными назвать просто нельзя.

Особенно ярко это проявляется в практике применения ст. 151[1] УК РФ, когда наказание назначалось, например, лицу, подвергнутому административному взысканию по ч. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ, за продажу несовершеннолетнему одной банки пива стоимостью 72 рубля[1].

В подобных ситуациях представляется невозможным использовать правило малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), поскольку оно применимо к деянию, формально содержащему признаки преступления, но не имеющему общественной опасности. Повторное тождественное административное правонарушение само по себе не обладает признаками уголовно значимого деяния – признать его «малозначительным» нельзя.

Во втором параграфе исследована ***проблема соответствия административной преюдиции государственной политике в области борьбы с преступностью***.

Согласно официальной точке зрения российского законодателя, а также сторонников административной преюдиции, чуть ли не главный смысл ее существования заключается в том, что наличие «преюдиционных» норм в УК РФ позволяет обеспечить гуманизацию (либерализацию) государственной уголовной политики. Кроме того, административная преюдиция, гармонизируя взаимосвязь между административным и уголовным правом, обеспечивает разграничение сфер уголовно-правового и административно-правового воздействия. В итоге все это превращает ее (преюдицию) не только в инструмент борьбы с преступностью, но и в эффективное средство предупреждения совершения преступлений небольшой и (или) средней тяжести.

Как показывают результаты проведенного исследования, дело обстоит не совсем так.

Сам факт преюдиционного превращения повторно совершенного тождественного административного проступка в преступление (без изменения его внутренних юридически значимых характеристик) свидетельствует о «прозрачности» границы между уголовным и ад-

[1] Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 20 апр. 2020 г. по уголовному делу № 1-96/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/k49qB4uAhrNm (дата обращения: 10.07.2022).

министративным правом. По существу, «пограничная черта» между ними нарушается в силу характеристик деятеля: для признания административного проступка преступлением в «преюдиционных» нормах УК РФ важно лишь то, кто совершил деяние.

Таким образом, административная преюдиция, по существу, *стирает границу* между административно-правовым и уголовно-правовым запретом, между самими сферами действия административного и уголовного права (законодательства). Данная ситуация имеет серьезную потенциальную опасность частичного «слияния» предметов уголовного и административного права, с чем согласились 19 из 30 опрошенных респондентов-специалистов в области теории уголовного права и криминологии.

Следует признать, что административная преюдиция действительно может рассматриваться в качестве *инструмента (способа) криминализации и декриминализации деяния.* Это особенно важно в плане «гуманизации» государственной уголовной политики в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести.

Очевидно, что административная преюдиция выступает в качестве способа (инструмента) криминализации деяния в случае, когда в УК РФ вводится новая норма, преобразующая определенное в КоАП РФ административное правонарушение в преступление.

Обратная ситуация (т. е. введение преюдиционного правила в существующую норму УК РФ) свидетельствует о том, что административная преюдиция стала способом (инструментом) декриминализации. Для признания деяния преступлением в этом случае вводится своеобразное и ранее отсутствовавшее в норме УК РФ препятствие в виде преюдиционного предписания.

По состоянию на 13 июля 2022 г. в 22 «преюдиционных» статьях УК РФ содержались 27 составов преступлений[1]. Сравнение динамики криминализации и декриминализации «преюдиционных» преступлений представлено в таблице.

[1] Необходимо сделать оговорку, что преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 215^3 УК РФ относится к категории тяжких и является частично «преюдиционным»; в сравнении оно не учитывается.

Таблица

преступления небольшой тяжести		***преступления средней тяжести***	
криминализация	*декриминализация*	*криминализация*	*декриминализация*
ч. 1 ст. 116^1 ст. 151^1 ст. 158^1 ст. 171^4 ст. 171^5 ч. 1 ст. 215^3 ч. 1 ст. 215^4 ч. 1 ст. 264^1 ч. 1 ст. 264^2 ч. 1 ст. 280^3 ст. 284^2 ч. 2 ст. 314^1 ч. 1 ст. 330^1	ч. 1 ст. 157 ч. 2 ст. 157 ч. 1 ст. 191 ч. 1 ст. 193 ч. 2 ст. 255 ч. 1 ст. 282 ч. 1 ст. 315	ст. 212^1 ч. 2 ст. 215^3 ч. 2 ст. 215^4 ч. 1 ст. 280^1 ч. 2 ст. 280^2 ч. 1 ст. 284^1 ч. 2 ст. 330^1	–

Как видно из таблицы, за время существования административной преюдиции на 20 случаев криминализации (13 – преступления небольшой тяжести; 7 – преступления средней тяжести) приходится 7 случаев декриминализации (все – преступления небольшой тяжести). Поэтому реальность такова: административная преюдиция используется преимущественно в целях криминализации деяния, о ее предназначенности выполнять линию на «гуманизацию» государственной уголовной политики говорить, к сожалению, не приходится.

Таким образом, существование административной преюдиции в нормах УК РФ не в полной мере соответствует одной из основных линий государственной политики в области борьбы с преступностью – ее гуманизации (либерализации). Наоборот, последовательное увеличение в УК РФ норм с административной преюдицией привело *к росту репрессивности уголовно-правового воздействия* в отношении лиц, совершивших «преюдиционные» преступления небольшой и средней тяжести.

С выводом о росте репрессивности уголовного закона вследствие увеличения числа «преюдиционных» норм УК РФ согласились 24 из 30 опрошенных респондентов-специалистов в области теории уголовного права и криминологии и 56% респондентов-практиков.

Четвертая глава **«Административная преюдиция в уголовном праве: перспективы *de lege ferenda*»** содержит два параграфа.

В первом параграфе определен возможный путь ***унификации признаков административной преюдиции в уголовном законодательстве.***

По мнению подавляющего большинства авторов, главная сложность в понимании административной преюдиции заключается в том, что законодатель использует различные подходы к формулированию составов «преюдиционных» преступлений. Даже очевидные объективные признаки административной преюдиции (повторное совершение административного проступка и наличие состояния административной наказуемости за ранее совершенное тождественное правонарушение) в действующих нормах УК РФ формулируются по-разному. То же самое относится к законодательному определению специального субъекта «преюдиционного» преступления.

Так как неотъемлемыми свойствами (качествами) уголовного законодательства являются его системность и непротиворечивость, то и нормы о «преюдиционных» преступлениях должны обладать максимально возможной степенью однообразности их признаков. Конечно, это относится не ко всем признакам этих составов, а к тем, которые свойственны административной преюдиции как специфическому признаку состава преступления (в ранее изложенном понимании).

Прежде всего, должна быть ликвидирована разница в законодательном определении срока «административной наказуемости» в «преюдиционных» нормах УК РФ. Общий срок такой «наказуемости», определенный в ст. 4.6 КоАП, должен быть закреплен (или подразумеваться по умолчанию) во всех «преюдиционных» нормах УК РФ.

Как правило, в таких нормах речь идет о повторном совершении тождественного (аналогичного) правонарушения. Исключениями, в частности, являются ч. 1 ст. 264^1 и ч. 1 ст. 264^2 УК РФ, в которых в качестве предикатного проступка альтернативно названо, наряду с тождественным правонарушением, совершение иного, пусть и однородного проступка.

Автор полагает, что однородность предикатного и последующего административного правонарушения не соответствует логике построения «преюдиционных» норм УК РФ и *должна быть заменена на их безусловную тожественность*.

Непростой также является ситуация с числом последующих административных правонарушений – практически во всех «преюдиционных» нормах УК РФ оно единично (за исключением ст. 212^1 и ч. 2 ст. 314^1 УК РФ).

В целях реального (а не декларируемого) снижения репрессивного потенциала «преюдиционных» норм УК РФ автором предложено ввести «*правило трех правонарушений*». Смысл этого правила состоит в следующем: так как криминализация административного правонарушения ставится в зависимость от «опасных» свойств личности, такая «опасность» должна быть доказана посредством установления систематического нарушения лицом тождественных норм административного законодательства.

Критерий систематичности (в разных аспектах) хорошо знаком уголовному закону, и именно он используется для преобразования одного преступного деяния (при сохранении его внешних характеристик) в разряд качественно иного, более тяжкого преступления – как это сделано, например, при определении преступности истязания (ч. 1 ст. 117 УК РФ). Введение в «преюдиционные» нормы УК РФ «правила трех правонарушений», во-первых, реально снизит их репрессивность (что будет соответствовать целям государственной уголовной политики). Во-вторых, этот критерий будет более явным и четким образом отражать действительно «опасные» свойства личности.

В итоге объективными признаками административной преюдиции во всех нормах УК РФ предложено определить следующие:

– состояние «административной наказанности» должно составлять один год во всех «преюдиционных» нормах УК РФ;

– число совершенных в течение срока «административной наказанности» повторных аналогичных правонарушений должно быть больше двух, т. е. уголовная ответственность за «преюдиционное» преступление может наступать в случае совершения третьего аналогичного правонарушения в течение срока «административной наказанности».

С данным предложением в целом согласились 19 из 30 опрошенных респондентов-специалистов в области теории уголовного права и криминологии и 52% респондентов-практиков.

В составах «преюдиционных» преступлений должно соблюдаться максимально возможное единообразие при описании правового статуса «административной наказанности» лица.

Автор разделяет позицию о том, что наиболее предпочтительный способ обеспечения такого единообразия состоит в использовании прямого указания на статью КоАП РФ, предусматривающую административное наказание за предшествующее правонарушение.

Эта формулировка хорошо знакома действующему законодательству и в обобщенной форме выглядит следующим образом: «лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное статьей [*соответствующий номер статьи*] Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Далее, с позиции *de lege ferenda* в работе проанализировано постановление Конституционного суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П. Смысл этого постановления сводится к тому, что Конституционный суд РФ указал на неравный правовой статус двух категорий лиц:

1) лиц, осужденных по «преюдиционным» нормам УК РФ и вновь совершивших аналогичное административное правонарушение в течение срока судимости;

2) лиц, находящихся в состоянии «административной наказанности» и повторно совершивших тождественное правонарушение, т. е. лиц, к которым применима «преюдиционная» норма УК РФ.

Действительно, наличие у лица судимости, а не «административной наказанности» свидетельствует о более «опасном» его состоянии. Однако к такому лицу, в случае совершения им аналогичного административного правонарушения, «преюдиционная» норма УК РФ не применима по юридически формальным основаниям.

Признание Конституционным судом РФ ст. 116^1 УК РФ, не соответствующей Конституции РФ (в обозначенном отношении), повлекло обязанность законодателя изменить ее редакцию, что и было сделано Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ. Аналогичное изменение может коснуться всех «преюдиционных» норм УК РФ. В них наряду, собственно, с административной преюдицией должно будет существовать *альтернативное либо самостоятельное* (в иной части нормы) указание на наличие судимости за ранее совершенное тождественное преступление в качестве конструктивного признака состава преступления.

В настоящее время такой шаг уже осуществлен в отношении преступлений, предусмотренных в ст. 116^1, 264^1, 264^2, 284^1 УК РФ.

Второй параграф посвящен рассмотрению ***возможных перспектив развития системы «преюдиционных» норм УК РФ***.

По мнению автора, существуют два сценария развития системы «преюдиционных» норм в УК РФ – «негативный» и «позитивный».

«*Негативный*» сценарий существования административной преюдиции в уголовном праве заключается в ее устранении из норм УК РФ как не соответствующей принципам уголовного законода-

тельства и общепризнанным критериям криминализации. Однако автор отдает себе отчет в том, что такой вариант изменения УК РФ является маловероятным в силу сложившейся законодательной традиции и общего направления государственной политики в борьбе с преступностью.

Смысл «*позитивного*» сценария состоит в максимально возможном снижении уровня репрессивности «преюдиционных» норм УК РФ. Одним из системных решений может стать введение категории уголовного проступка, предлагаемое Верховным судом РФ. Несмотря на самую серьезную критику законопроектов Верховного суда РФ о введении уголовного проступка, гуманистический потенциал такого шага несомненен.

Сам факт того, что осуждение за уголовный проступок не будет создавать состояние судимости (со всеми вытекающими правовыми последствиями), станет свидетельством реального воплощения либеральной государственной уголовной политики в отношении лиц, не совершавших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Согласно «позитивному» сценарию, автор считает перспективным:

1) перевод действующих норм УК РФ с «преюдиционными» преступлениями небольшой тяжести в категорию уголовных проступков;

2) перевод действующих норм УК РФ с «преюдиционными» преступлениями средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести.

В **заключении** сформулированы основные результаты проведенного диссертационного исследования.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих работах автора:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Мамхягов З.З. Административная преюдиция как «технологический инструмент» борьбы с преступностью // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 75–80. – 0,5 п. л.

2. Мамхягов З.З. Понимание административной преюдиции в уголовном праве (законодательстве): основные доктринальные под-

ходы // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 52–56. –0,5 п. л.

3. Мамхягов З.З. Административная преюдиция в УК РФ и уровень уголовной репрессии // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2. – С. 248–249. – 0,4 п. л.

4. Мамхягов З.З. Административная преюдиция как средство разграничения административного и уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 80–83. – 0,5 п. л.

5. Мамхягов З.З. Об административной преюдиции в уголовном законодательстве // Общество и право. – 2016. – № 1. – С. 100–102. – 0,4 п. л.

6. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. – 2015. – № 8. – С. 72–74. – 0,4 п. л.

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

7. Мамхягов З.З. Правовые основания невозможности применения административной преюдиции в уголовном праве РФ: анализ современных подходов // Russian Studies in Law and Politics. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 23–37. – 0,8 п. л.

8. Мамхягов З.З., Ярошенко А.Ф. К вопросу уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации // Право молодых: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Ставрополь: СКФУ, 2019. – С. 173–174. – 0,2/0,4 п. л.

9. Мамхягов З.З., Павлюк Н.С. Множественность преступлений как уголовно-правовая категория // Аллея науки. – 2019. – № 6. – С. 779–783. – 0,2/0,4 п. л.

Подписано в печать __.__.2022. Печ. л. 1,5.
Тираж 140 экз. Заказ ___.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.